

С.А. Абдулкаримов

АГРЕССИВНОСТЬ В СПОРТЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Статья посвящена одной из проблем современного общества — проблеме агрессивности в спорте. Под спортивной агрессией и насилием автор понимает относительную предрасположенность к проявлению жестокости со стороны игроков и зрителей. Автор рассматривает игровое насилие в культурно-исторической ретроспективе сквозь призму традиций различных культур. В статье отмечается, что агрессивность людей в значительной степени является результатом сложного взаимодействия между врожденными инстинктами и усвоенными реакциями в процессе культурной эволюции. В ходе культурной эволюции в разных обществах люди выработали разные способы контроля своих эмоций и страстей, а прямая форма агрессии сменилась различного рода спортивными состязаниями или пассивным их наблюдением, однако в периоды социально-психологических трансформаций и усиления фрустрации в обществе происходит реанимация агрессивных инстинктов в спорте.

Спорт в современном мире стал достаточно влиятельной силой, способной как консолидировать, так и разредить большие группы людей. Известный тезис Олдоса Хаксли, высказанный им более полвека назад, что спорт может выполнять как созидательные, так и разрушительные функции в обществе (Huxley 1937: 187), сегодня в условиях актуализации культурной идентичности в многополюсном и поликонфессиональном мире все чаще подтверждается на практике. По образному выражению американского социолога Кендалла Блэнчерда, «спортивные отношения стали выражением привилегии и давления, власти и подчинения» (Blanchard 1995: 224–225). Случаи немотивированной жестокости на спортивных площадках с каждым годом становятся обыденным явлением. Нередко зрители и болельщики идут на матчи и состязания не ради спортивных зрелищ, а ради драк и потасовок, которые становятся главным стержнем соревнований. В чем причина такого интереса зрителей к насилию в спорте? Почему спорт становится с каждым годом все более жестким и агрессивным? Является ли это явлением современной эпохи или исторически обусловлено социальной или культурной, а возможно, и биологической потребностью человека к агрессии? Подобные вопросы волновали и волнуют многих исследователей спорта,

и, в этом отношении, спорт в западном мире уже давно стал объектом междисциплинарного исследования многих гуманитарных наук на Западе, включая психологию, социологию, историю, философию, культурную и социальную антропологию и этнологию.

Истоки спортивной агрессии в истории

Как показывает история, агрессивные человеческие инстинкты всегда имели социально обусловленный характер и определялись особенностями моральной парадигмы той или иной эпохи и нравами того или иного общества. Начиная с доисторических времен до эпохи Средневековья войны в представлениях народов являлись «народным промыслом» или актом самозащиты, кровавые спортивные состязания или смертельные поединки воспринимались как ритуальные обряды или, во всяком случае, не более чем зрелища. Древнегреческий спорт, который так популяризируется в олимпийском движении начиная со времен барона де Кубертена, по замечанию известного немецкого социолога Норберта Элиаса, был основан не столько на идее справедливой и честной игры, сколько на воинской этике и кодексе чести. В спортивных состязаниях еще не было узаконенных письменных правил, и люди достаточно толерантно относились к кровавым сценам на спортивных площадках, т.к. сама жизнь была намного жестче и агрессивнее (Элиас 2001: 272–284).

Обряды инициации, похороны и поминальные тризны, как и календарные праздники, с незапамятных времен сопровождалась кровавыми состязаниями с человеческими жертвами в ритуальных целях. Из дошедших до нас источников известно, что еще у древних ацтеков существовала командная ритуальная игра с литым мячом, напоминая современный баскетбол. Победителям сохраняли жизнь, проигравших приносили в жертву богам (Ачер 2001: 14). Популярные состязания лодок-драконов у китайцев в дни летнего солнцестояния, как и игра в «херлинг» у предков современных ирландцев в календарные праздники, всегда заканчивались увечьями и человеческими жертвами (Эберхард 1977: 69–74). На похоронах знатных людей у этрусков и римлян устраивались кровавые бои гладиаторов, а у некоторых народов Кавказа еще в недалеком прошлом конные скачки подростков в честь умерших часто сопровождалась ритуальной гибелью одного или нескольких соревнующихся. Человеческие жертвы со смертельным исходом не были редкостью и в русской культурной традиции, как например, во время кулачных боев на масленицу — по нормам обычного права это не являлось поводом для судебного разбирательства. В народных представлениях подобные явления были связаны с древними языческими представлениями славян, согласно которым смерть во время ритуальных праздничных состязаний символизировала своего рода акт жертвоприношения высшим силам природы. Во многих культурах мира столкновение между увядающими силами зимы и бурно возрождающейся весны выражалось в виде культовых состязаний с человеческими жертвами (Фрэйзер 1980: 351). Пролитие крови в календарные праздники ассоциировалось с хозяйственным благополучием общины, а на поминальных и свадебных обрядах служило данью уважения и преданности предкам и символизировало благополучие и жизнеспособность новой семьи.

Вместе с тем проявление инстинктов агрессии и человеческая смерть во

время традиционных игр и состязаний имеет и рациональное объяснение. Оно является отражением истории и культуры доиндустриальной эпохи, насыщенной социальными конфликтами и войнами, в которых brutальные состязания в виде народных игрищ, рыцарских турниров или просто праздничных драк поддерживали «дух воинственности» и коллективной солидарности и одновременно выступали в качестве регуляции природных инстинктов людей. Агрессивность в Средние века, например, в Европе «носила достаточно открытый и необузданный характер», физическая разрядка была естественной потребностью в жизни общества. Как отмечал Ф. Ницше, «современный человек даже не может себе представить до какой степени жестокость составляла величественную радость древнего человека примешиваясь как ингредиент почти к каждому его веселью» (Ницше 1990: 447). По утверждению Норберта Элиаса, «жестокость не была поводом для исключения человека из жизни общества. Радость от созерцания мучений и смерти других была велика и имела общественно признанный характер. В известной степени строение общества даже стимулировало движение в этом направлении, превращая такое поведение в необходимое и целесообразное» (Элиас 2001: 274).

На Британских островах еще незадолго до промышленной революции массовая игра в мяч, санкционированная традицией и церковью, всегда сопровождалась драками и столкновениями. Как правило, таким конфликтам предшествовали отдельные трения и споры между жителями соседних населенных пунктов, ремесленных гильдий или между женатой и неженатой молодежью, которые возникали до игры. Так называемый «массовый футбол» всегда был знаменательным событием в жизни общины и являлся своего рода ритуалом, который проводился только в праздничные дни, его ждали с нетерпением, чтобы «воздать долги противникам» (Elias, Dunning 1972: 116–132). Не исключено, что «массовый футбол» в далеком прошлом имел культовый характер и позднее эволюционировал в состязание двух противоборствующих групп, а еще позднее — в обыкновенное зрелище. Точно так же ритуальные лодочные состязания в китайской культуре или игра в «херлинг» у ирландцев в новейшее время трансформировались в обыкновенные развлечения и стали одним из средств аффективной разрядки.

Традиции игровой агрессивности в различных культурах

Природа человеческих инстинктов в любой культуре, в своей основе, остается неизменной в течение тысяч лет, с той лишь разницей, что в процессе культурной эволюции в разных обществах, в той или иной степени, люди научились контролировать свои эмоции и страсти, а активная прямая агрессия сменилась различного рода состязательными играми или пассивным их наблюдением. Как свидетельствует мировой опыт, степень агрессивности в традиционных и индустриальных обществах отличается как временной, так и культурной дистанцией. В каждой культуре поведение человека мотивируется определенными инстинктами и традициями, выработанными в процессе культурно-исторического развития общества. В одних культурах может больше цениться агрессивность и воинственность, в других — кротость, дружелюбие и толерантность. «Стандарт агрессивности, — отмечал Норберт Элиас, — по своим

оттенкам и по силе донныне не одинаков у разных наций Запада. Но эти кажущиеся столь значительными различия стираются и выглядят незначительными, если сравнить агрессивность “цивилизованных” народов с этим влечением в обществах, находящихся на другой ступени подавления аффектов. В сопоставлении с боевой яростью абиссинского воина или с темпераментом различных племен эпохи великого переселения народов агрессивность даже самых воинственных наций цивилизованного мира кажется смягченной» (Элиас 2001: 273).

Отдельные зрелищные виды спорта по степени своей агрессивности у разных культурных групп и народов могут восприниматься по-разному. Так, например, традиционная конная игра «козлодрание» (по-узбекски «улак»; по-казахски «кокпар»; по-киргизски «кок бору»; по-таджикски «бужкаши»), столь популярная у народов Центральной Азии и Афганистана, может вызывать довольно неоднозначную реакцию у представителей других культур, впервые увидевших подобное зрелище. Точно так же, как традиционная валлийская игра в «регби» своей агрессивностью может шокировать любого неискушенного зрителя-европейца, а испанская коррида в представлениях многих англичан рассматривается как жестокое варварское развлечение, в то время как современный бокс, который имеет английское происхождение, многими испанцами воспринимается как крайне брутальный вид спорта унижающий человеческое достоинство (Marvin 1986: 118–135). В некоторых индонезийских школах восточных единоборств, например, полный контакт и предельная жесткость бойцов на арене является изначальной философией и традицией культуры. Любые попытки перевести подобные практики в русло современных спортивных состязаний с их универсальными правилами и защитной экипировкой вызывает довольно негативную реакцию со стороны большинства мастеров-наставников. По их мнению, это выхолащивает духовную основу их стилей и превращает традиционное искусство в обыкновенное запрограммированное шоу, что не соответствует их традиционным представлениям мужественности и чести (Боевые и спортивные единоборства 2003: 587–588).

Различные поведенческие стереотипы по отношению к агрессивным спортивным состязаниям порой могут наблюдаться как в близкородственных культурах, так и в одной и той же культурной среде. Так, в коллективном и индивидуальном сознании участников состязаний и зрителей «культура чести» может сохраняться достаточно длительное время и после того, как исчезают предпосылки и условия ее возникновения (Nisbett Cohen 1996), что обусловлено ни столько природными инстинктами, сколько социальными нормами традиционных поведенческих стереотипов. У народов Памира, Кавказа, или Тянь-Шаня и Гималаев участие молодых мужчин в различных спортивных состязаниях всегда являлось одной из возможностей проявления их мужской отваги, а спортивные победы служили убедительным подтверждением чести и достоинства победителей, что укрепляло их авторитет и уважение в коллективе. У некоторых народов Кавказа спортивные состязания воспринимались как настоящие сражения: спортивное мастерство в мирное время, как и воинская доблесть во время войны, одинаково высоко ценилось в обществе (Мандзяк 2002: 142–179). Еще у древних хеттов состязания на праздниках назывались *zahhiya* («сражаться, воевать») (Ардзинба 1982: 80), спортивные же победы воспринимались как

победы на полях сражений, а поражения — как смерть. В античной Греции военные столкновения между эллинами порой приобретали состязательный характер — заранее устанавливались правила ведения сражения, виды оружия, время и место битвы (Хейзинга 2003: 102). Грабительские набеги и войны у кочевых народов были настолько престижными и популярными, что некоторые исследователи в качестве причин агрессии nomadov стали рассматривать не столько экономические мотивы, сколько их врожденные агональные инстинкты борьбы и состязания (Цит. по: Першиц 1994: 129–224).

Интересные наблюдения приводит в своей книге «Становление мужественности: культурные концепты маскулинности» американский антрополог Дэвид Гилмор (Гилмор 2005). Согласно его наблюдениям, в некоторых примитивных обществах одним из способов выражения мужской идентичности являются соревновательные игры и поединки, в ходе которых мужчины подтверждают свой социальный статус. Так, например, у индейцев меинаку в Центральной Бразилии все мужчины племени обязаны принимать участие в ежедневных состязаниях по борьбе. При этом агрессивность воспринимается как естественное мужское начало, а трусость или слабость мужчины на борцовском «ковре» рассматриваются как его недееспособность, что грозит ему социальным ostracismом коллектива (Там же: 97). Подобные примеры мы можем наблюдать и в русской культурной традиции: неучастие или уклонение от драк и кулачных боев отдельных молодых людей в прошлом считалось позорным и неподобающим чести настоящих мужчин. «Девушка могла потерять парня, забитого в драке, — но она могла “потерять” его и из-за резкого понижения его социального статуса в случае уклонения от настоящего мужского дела» (Секацкий 2005: 195–214). В то же самое время в некоторых культурах культивирование агрессивного начала изначально считается аморальным. Так, например, в представлениях таитян Полинезии и народности семай в Центральной Малайзии любая агрессивность греховна и поэтому строго табуирована. Отчасти именно по этой причине в культуре семай отсутствуют спортивные состязания, демонстрирующие поражение, а значит, оскорбление проигравших (Гилмор 2005: 219). В восточных единоборствах в Китае и в Японии, согласно буддийской философии, миролюбие всегда преобладает над агрессией, комбинации приемов начинаются не с атакующих, а с защитных действий, целью которых является умелое отражение ударов и возвращение зла, которое исходит от противника. Таким образом, агрессивность людей в значительной степени является результатом сложного взаимодействия между врожденными инстинктами и усвоенными реакциями в процессе культурной эволюции. Спортивная культура различных народов служит отражением этих сложных социально-культурных процессов.

От игры к агрессии

На протяжении многих столетий соревновательные виды спорта, наряду со спортивными, выполняли зрелищные функции. Привлекая значительное количество зрителей, они отвлекали их от повседневных проблем и забот и погружали в состояние всеобщей радости и эйфории или же депрессии и разочарования. Как отмечает американский исследователь спорта Уильям Бейкер в своей монографии «Спорт в западном мире» (1982), в древней Олимпии и римском

Колизее, на средневековых турнирах и матчах по боксу в XVIII в. собиралось не меньше зрителей, чем на многих современных состязаниях на кубок Супер Боул в Америке. Сегодня в дни Олимпийских игр и чемпионатов мира миллионы людей бывают буквально прикованы к экранам телевизоров и компьютерных мониторов, посещаемость спортивных сайтов Интернета заметно превосходит такие сайты, как «бизнес», «политика», «развлечения». Зрелищные спортивные соревнования оказывают огромное эмоциональное воздействие на болельщиков и зрителей. Наиболее страстные поклонники отдельных футбольных клубов часто сопровождают свои команды на выездах и своей поддержкой создают атмосферу игры, оказывая психологическое воздействие на игроков. И, наоборот, сами состязания накаляют страсти болельщиков до предела, вызывая у них рост агрессии, что нередко приводит к потасовкам и конфликтам, открытым столкновениям с человеческими жертвами. Зрительские страсти болельщиков еще во времена поздней Римской империи нередко приводили к такому финалу. Для того чтобы успокоить разбушевавшихся зрителей, им раздавали фрукты и хлеб (Coakley 1986: 47). Именно к тем временам восходит известное выражение «хлеба и зрелищ», ставшее впоследствии крылатым.

В истории современного спорта начиная с 60-х гг. XX столетия стало возрастать количество спортивных конфликтов в футболе. В 1964 г. во время футбольного матча в столице Перу Лиме после столкновения болельщиков погибло около трехсот человек. В 1985 г. в бельгийском городе Хейсел на матче итальянской команды «Ювентус» и английского «Ливерпуля» погибло 42 человека, а футбольный матч между Сальвадором и Гондурасом в 1969 г. и вовсе перерос в вооруженный конфликт. Межгосударственным дипломатическим инцидентом между Турцией и Италией завершился четвертьфинальный матч Лиги чемпионов по футболу «Ромы» и «Галатасарая» в марте 2002 г. А в 2005 г. в Братиславе футбольная игра между сборными России и Словакии во время отборочного турнира чемпионата мира 2006 г. закончилась столкновением болельщиков и переговорами представителей МИД двух стран.

По мнению некоторых исследователей, зрелищные виды спорта потенциально способствуют возрождению архаического психологического типа с ярко выраженными чертами агрессивности и соперничества (Веблен 1984: 256; Хренов 2005: 250; Берковиц 2001). Азарт и спортивный патриотизм болельщиков может довольно легко перерастать в насилие по отношению ко всему чужому. Иррациональная логика превращения образов чужого в образ врага, связанная с первобытным «пралогическим мышлением» (Леви-Брюль 1994), когда эмоции берут верх над разумом, сегодня все чаще находит свое проявление в обществе.

Любые эмоциональные переживания, связанные с игрой, способны консолидировать и сплачивать человеческие коллективы в единый социально-культурный организм. Согласно американскому психоаналитику Петеру Маршу, игровая форма агрессии является одним из основных факторов, укрепляющих культурную солидарность людей и оказывающих влияние на динамику развития самой культуры (Marsch 1975). Как он полагает, в зрелищных видах спорта агрессия может рассматриваться как своего рода ритуальное насилие, которое является универсальным явлением в человеческой культуре. В различные исторические периоды, по его утверждению, спортивная агрессия служила одним

из способов выражения социальной идентичности отдельных аморфных образований, когда в процессе игровой коммуникации спонтанно возникали отдельные партии болельщиков (Ibid). Об этом косвенно свидетельствует и Йохан Хейзинга в своей известной работе «Homo Ludens/Человек Играющий»: «...игровое сообщество обладает вообще склонностью сохранять свой постоянный состав и после того, как игра уже закончилась... И все же присущее участникам игры чувство, что они совместно пребывают в некоем исключительном положении, совместно делают одно важное дело, обособляясь от прочих и прорывая с общими для всех нормами, простирает свои чары далеко за пределы продолжительности отдельной игры... При этом, однако, не многого стоила бы поспешная попытка все, что этнология называет фратриями, возрастными классами или мужскими союзами, истолковывать как игровые сообщества» (Хейзинга 2003: 26). Спортивные победы дают возможность болельщикам и спортсменам получать положительные эмоции и внутренне ощущать свое морально-психологическое превосходство над проигравшей стороной. Поражения вызывают обратную реакцию, связанную с психологическим стрессом, который может перерасти в открытые агрессивные действия с непредсказуемыми последствиями. В обоих случаях, как победа, так и поражение могут подспудно выступать в качестве конструкторов культурной идентичности. При этом, как это ни парадоксально, социальные инстинкты агрессивности, наряду с деструктивными, могут выполнять и созидательные функции. По мысли философа Александра Секацкого, под внешней деструкцией агрессии «идет невидимая работа созидания» человеческих коллективов «монад», потеря духа воинственности и агрессивности влечет за собой их распад. И в этом отношении, как он полагает, «стойкое бесстрашие, проявляемое на уровне инстинкта отдельной компактной социальной группой, порой гораздо важнее, чем образованность или даже историческая память» (Секацкий 2005: 215–220). В качестве наиболее яркого примера А. Секацкий приводит агрессивный инстинкт футбольных болельщиков, которые демонстрируют «твердую волю свободных людей» и «иницируют энергию сохранения социума и пассионарность».

В условиях актуализированного этнического сознания в обществе спорт может не только усиливать культурную дистанцию между этническими группами, но и создавать этноцентристские настроения среди зрителей и болельщиков. По утверждению психологов, в критических ситуациях, связанных с изменением характера межэтнических отношений, происходит нарушение компенсаторной связи между коллективным бессознательным и групповым сознанием. Образы бессознательного начинают актуализироваться на уровне сознания и расширять свои границы, охватывая отдельных индивидов и целые группы людей (Солдатова 1998: 52). Для многих болельщиков в процессе игры чужими становятся команды-соперники и все те, кто за них болеет, а спортивная агрессия все чаще переносится со стадионов на улицы и площади крупных мегаполисов. Нередко на волне спортивного ура-патриотизма могут стихийно возникать различные расистские и ксенофобские выступления ультраправых сил, среди которых встречается немало болельщиков. Наиболее агрессивная часть фанатов футбольных клубов, будь то английского «Ливерпуля» или французского «Пари-Сен-Жермен», турецкого «Галатасарая» или московского «Спартак», как

и многих других клубов, одинаково и повсюду могут вызывать конфликтные ситуации и серьезную тревогу в обществе. Некоторые футбольные клубы болельщиков в европейских странах становятся местом сборищ безработной и социально неустроенной молодежи и люмпенов и служат своего рода базой, в которых формируются ультраправые группировки с откровенно профашистскими лозунгами. В 1920–1930-е гг. именно спортивный национализм стал выражением национального духа в фашистской Италии и нацистской Германии. Итальянские газеты, многочисленными тиражами рекламировавшие атлетическую фигуру итальянского дуче Бенито Муссолини, наряду с популяризацией атлетизма способствовали укреплению политического имиджа и авторитета фашистов в Италии. Культ силы и здоровья, активно пропагандировавшийся немецкими национал-социалистами в Германии, в конечном счете, сыграл далеко не последнюю роль в сплочении немецкой нации и приходе Гитлера к власти. Подобные примеры мы можем наблюдать в истории Испании, Японии, Греции, Аргентины и других государств в период правления военных авторитарных режимов.

Сегодня на фоне актуализации этничности в обществе спортивные состязания любого уровня с участием представителей различных этнических групп потенциально могут вызывать ксенофобию и агрессию на спортивных площадках и стадионах, у экранов телевизоров и компьютерных мониторов, за чтением спортивных новостей в газетах и журналах. По словам известного психоаналитика Эрика Берна, «у некоторых людей психологическое состояние настолько неустойчиво, а позиция так шатка, что любая депривация в процессе игры может привести к тому, что они впадут в неконтролируемое отчаяние или даже психоз» (Берн 2002: 85). Наиболее характерно это явление в футболе. Одним из способов утверждения культурного национализма для некоторых болельщиков является посещение футбольных матчей с участием любимых национальных команд. Картина внешнего благополучия и толерантности в один момент может измениться и представиться диаметрально противоположной, если на стадионе, скажем, в Испании играют «Атлетик» из Бильбао и «Сельта» из города Виго или столичные «Реал Мадрид» с «Барселоной» из Каталонии, а в Британии лондонский «Арсенал» встречается с северо-ирландским «Линфилдом». Подобные примеры мы можем наблюдать и в США. Так, например, во время матча чемпионата мира по футболу между Мексикой и США в Лос-Анджелесе в 1998 г. болельщики, из числа бывших иммигрантов из Мексики, в знак солидарности с мексиканской сборной, забрасывали своих же американских сограждан из числа футболистов стаканами из-под воды и пива (Хантингтон 2004: 24). Фактически любые спортивные состязания с участием команд-соперников, представляющих различные культурные группы и государства, латентно всегда рассматриваются сквозь призму этничности. По замечанию западного социолога Майкла Манна, «когда мы следим за Олимпийскими играми или иными событиями и зрелищами (в том числе спортивного характера), пробуждающими у нас национально-патриотические эмоции, нам трудно поверить в то, что национальному государству приходит конец» (Манн 2002: 381–410).

В современной России победы футбольных команд из национальных регионов несомненно вызывают одинаково положительную реакцию у всех жителей республик, несмотря на национальную принадлежность. Выступления команд

демонстрируют человеческий и спортивный потенциал регионов, в которых далеко не последнюю роль играет этнический фактор. И это не может не влиять на эмоциональное состояние болельщиков и зрителей как из числа представителей титульных народов республик, так и их этнических групп, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований. Вместе с тем, интернациональный состав команд нередко с заметным преобладанием спортсменов славянского происхождения и легионеров из других зарубежных стран в значительной степени смягчают реакцию футбольных фанатов во время и после матчей. Нельзя, наконец, забывать, что в России нет исторической традиции спортивного национализма, столь характерной для Европы. Более толерантные отношения в спортивной культуре россиян восходят к традициям советского спорта. В отличие от западного мира, где спорт был средством самоутверждения и выражения индивидуализма, не лишённого этнонациональной парадигмы, в Советском Союзе он изначально имел другое развитие и направление, свободное от коммерции и этнонационализма. После социалистической революции в России было приостановлено сокольское движение, являвшееся предвестником спортивного национализма в стране. Основной идеей советского спорта стало формирование единого общегражданского сообщества и укрепление дружбы между народами. При всех возможных недостатках советской системы нельзя однако отрицать, что коллективные ценности, миролюбие и межэтническая толерантность были одними из главных критериев в общественной и спортивной жизни советского общества.

Сегодня с интеграцией России в мировую экономику и культуру и приобщением к ценностям мировой цивилизации, вместе с широкими демократическими преобразованиями в сфере политики, экономики, культуры, индивидуализации личности и коммерциализации сознания, приходится наблюдать и определенные издержки в этих процессах, в том числе, в сфере культуры и спорта. Профессионализация спорта и рост спортивного национализма и агрессии в наиболее зрелищном виде спорта — в футболе — стали естественным отражением тех глобальных изменений в обществе, которые мы наблюдаем за последние десятилетия. Они по своей природе чужеродны для российского общества и являются скорее результатом внешних влияний, чем внутренней эволюции. Оказавшись в фарватере глобального мейнстрима, Россия вынуждена приспособиться к его универсальным ценностям, условиям и правилам игры (в том числе и в спорте), в которых, как совершенно очевидно, бескорыстию и кубертевовскому гуманизму нет места, а спортивная агрессивность в условиях конкуренции неизбежна и закономерна.

Спорт как инструмент сублимации агрессии

Ряд исследователей при объяснении роста агрессивности в спорте, в том числе среди спортивных болельщиков, опираются на различные теории социальной психологии, включая теорию социального научения, деиндивидуализации, растормаживания, физиологического возбуждения (Бэрн 1999: 27; Берковиц 2001 и др.). Как отмечают некоторые из них, большинство спортивных фанатов являются выходцами из социально неустроенных слоев населения, и хулиганство и беспорядки, которые они провоцируют, служат отдушиной для

выражения их накопившейся отрицательной энергии. Считается, что агрессивные эмоции в спорте играют роль своеобразных клапанов, снижающих избытки энергии, не находящей функционального выхода в естественных условиях. Игровое насилие, по утверждению Эриха Фромма, является наиболее «нормальной» и наименее патологической формой насилия, т. к. оно не мотивировано ненавистью и деструктивностью и обусловлено демонстрацией «ловкости и спортивности» (Фромм 2004: 250). Согласно Конраду Лоренцу, «спорт предотвращает вредные для общества воздействия агрессии... учит людей сознательно и ответственно властвовать над своими инстинктивными боевыми реакциями... он не только открывает превосходный клапан для накопившейся энергии в ее более грубых, более индивидуальных эгоистических проявлениях, но и позволяет разыграться и изжить себя в ее особой дифференцированной коллективной форме» (Лоренц 1998: 235–236). Для людей, переживших глубокий психологический стресс, надломленных жестокой действительностью, отягощенных внутренним одиночеством, агрессивные виды спорта в наши дни часто становятся единственной отдушиной и средством аффективной разрядки, в которых они ощущают полноту жизни и гармонию с самими собой. Один из крупнейших мыслителей XX столетия, известный американский писатель Эрнест Хэмингуэй в своих произведениях сумел достаточно точно показать природу спортивной агрессии у зрителей из числа представителей так называемого «потерянного поколения» — бывших молодых фронтовиков Первой мировой войны. Не сумев найти свое место в жизни, потеряв всякую веру в светлые идеалы, они находят единственную радость в жизни в корриде, конных скачках и боксерских турнирах. Мастерское перо художника и знатока человеческих судеб философски предвосхитило некоторые идеи, которые позднее были научно осмыслены некоторыми современными исследователями. Согласно психобиологической концепции немецкого этолога Ирениуса Эйбла-Эйбесфельдта, потребность в переживании страха закреплена у многих людей на биохимическом уровне, подобные переживания стимулируют выработку в крови особого вещества — адреналина, который активизирует деятельность человеческого организма (Human Ethology 1979). Если в традиционных культурах в качестве механизма регуляции инстинктов агрессии выступают различные ритуалы с экстаической составляющей, то в индустриальных обществах их в значительной степени компенсируют зрелищные агрессивные виды спорта. В свое время Н.Я. Данилевский полагал, что «насилъственность» (т.е. агрессивность) является характерной чертой всех «романо-германских» народов. В разные периоды истории, по утверждению философа, им удавалось направлять инстинкт агрессии «из одной формы деятельности в другую» (Данилевский 1991: 189). В эпоху модернизации в странах Западной Европы в XIX в. одной из сфер такой деятельности, наряду с бизнесом, стал выступать спорт. Увлечение спортом, как в активной, так и в пассивной форме у англичан, немцев, голландцев, французов в этот период занимало более заметное место в их культуре, чем, скажем, у других европейских народов, позже вступивших на путь индустриального развития. Спортивные состязания являлись инструментом сублимации агрессии, которой в условиях утверждения новой системы экономических связей и жесткой конкуренции было в избытке, что порой создавало иллюзию изначальной природной

агрессивности передовых европейских народов.

Жизнь современного человека в большинстве своем определяется не столько физической борьбой с силами природы или реальным противником, сколько борьбой с различными психологическими стрессами и депрессиями социального порядка. В этих условиях, по мнению некоторых исследователей и политиков, агрессивный спорт помогает сохранять здоровое начало в обществе и способствует утверждению сильной и конкурентоспособной нации. В последние годы этому в немалой степени способствует рост популярности таких экстремальных видов спорта, как «банджи джампс», серфинг, горные лыжи, скалолазание, авторалли, парашютный спорт, которые, в условиях фрустрации и агрессии, многим людям помогают преодолеть свой страх и слабость и ощутить полноценность и уверенность в своих возможностях и в завтрашнем дне. Спортивный риск и азарт для многих из них становится смыслом жизни и источником жизненных сил и энергии, а любое спортивное увлечение приобретает культовое значение (Klapp Orrin 1969: 186–187).

Спортивная культура в процессе цивилизации

В процессе культурно-исторического развития у многих народов традиционные виды спортивных состязаний, в силу их жесткого, а иногда и воинственного характера, предавались забвению, а в некоторых случаях запрещались насильственными методами, что в целом способствовало продвижению общества на более высокую ступень подавления аффектов, в том числе, снижению стандарта агрессивности в состязаниях. Так было в недалеком прошлом с кулачными боями «стенка на стенку» у русских, с некоторыми видами конно-спортивных состязаний у народов Центральной Азии, а также с отдельными видами единоборств с применением холодного и боевого оружия у народов Кавказа, со стрельбой из лука у народов Сибири и Дальнего Востока, палочными боями — у молдаван, гуцулов и так далее.

Культура как социальный институт всегда служила надежным сдерживающим механизмом более масштабного насилия в обществе. Обуздание человеческой жестокости происходило посредством «внесоматического наследования традиций — ее ценностей, норм, правил поведения, правовых ограничений агрессивности в межличностных и социальных отношениях» (Минюшев 2004: 221). Однако до конца избавиться от насилия в обществе, в том числе в спортивных состязаниях, никогда не удавалось, более того, в кризисные периоды истории, в периоды социальных трансформаций и катаклизмов, агрессия и насилие приобретали необратимый характер. Неоднократные попытки подавления игрового насилия в спортивных состязаниях, как и попытки его ограничения в межличностных отношениях в целом, начиная с позднеримских времен, заканчивались безрезультатно. Так, например, с утверждением христианства в Римской империи и началом активной борьбы с язычеством запрещаются языческие игрища и ритуалы с человеческими жертвоприношениями на Британских островах и других подвластных Риму территориях. Позднее в эпоху Просвещения в Европе в XVII–XVIII вв. выступления христианских реформаторов против народных игр, сопровождавшихся пьяным разгулом и неконтролируемым насилием толпы, стало следующим этапом противостояния западного обще-

ства игровому насилию в спорте. Однако как в римские времена, так и в эпоху Просвещения, гуманистические идеалы и благие намерения искоренения зла во имя добра, как правило, выливались в свою прямую противоположность и оборачивались новыми человеческими трагедиями и ожесточением общества. Цивилизаторская миссия римских легионеров, огнем и мечом искоренивших культурные ритуалы с человеческими жертвоприношениями, в конечном счете, привела к еще более жестким, узаконенным новыми традициями, гладиаторским боям, а выступления западно-христианских реформаторов против brutальных народных игрищ — к новому всплеску спортивной агрессии и падению нравов, вызванных коммерциализацией человеческих отношений в эпоху первоначального накопления.

Подобные примеры мы можем наблюдать и в истории развития русской культуры, в период петровских реформ в начале XVIII в. Искоренение традиционных обычаев, народных игр и развлечений под предлогом борьбы с невежеством и косностью привело к упадку нравственных устоев в обществе, а пьяные побоища с человеческими жертвами во время народных гуляний стали нормой (Ключевский 1989: 186). Позднее, в более либеральные времена, в эпоху правления Елизаветы и Екатерины II, происходит возрождение культурных традиций допетровской эпохи. Однако вновь возрожденные народные праздники, в том числе традиционные игрища, к тому времени уже утрачивают свои религиозные и магические функции, превращаясь в обыкновенные народные забавы и развлечения, в которых не исключается проявление агрессивных инстинктов (Хренов 2005: 105-106).

Таким образом, агрессивность в спортивной культуре многих народов имеет как определенные закономерности, так и своеобразные черты, которые обусловлены социально-экономическими, историческими и культурными особенностями развития общества в ту или иную эпоху. Агрессивные инстинкты всегда являлись неотъемлемой частью человеческой природы. В процессе длительного культурно-исторического развития люди научились контролировать свои эмоции и страсти. И результаты эти были достигнуты преимущественно за счет внутреннего самоограничения и, как следствие этого, они не столь прочны и долговечны. Как показывает история, в стабильные периоды социального развития агрессивность в спорте, как и в обществе в целом, минимизируется. И, наоборот, в критические периоды, в периоды социально-психологических трансформаций и усиления фрустрации в обществе происходит реанимация агрессивных инстинктов, которые сегодня наиболее заметно проявляются в спортивных состязаниях.

Литература

- Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982.
Ачер Р. «Спортофрениа» порождает рекордоманию // Спорт для всех. 2001. № 2.
Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений. М.: Современный Литератор, 2002.
Боевые и спортивные единоборства: Справочник / Под ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 2003.

- Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия: учебное пособие. СПб.: Питер, 1999.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Гилмор Д. Становление мужественности: Культурные концепты маскулинности. М.: РОССПЭН, 2005.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Ключевский В.Е. Соч. в 9-ти томах. М.: Мысль, 1989. Т. IV.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: «Педагогика-Пресс», 1994.
- Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
- Мандзяк А.С. Воинские традиции народов Евразии / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2002.
- Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
- Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М.: Академический Проект, 2004.
- Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение // Ницше Ф. Соч. в 2-х томах. М.: Мысль, 1990. Т. II.
- Першиц А.И. Война и мир в ранней истории человечества. М.: ИЭиА РАН, 1994. Т. II.
- Секацкий А. Сила взрывной волны. Статьи, эссе. СПб.: ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2005.
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Фромм Э. Душа человека. М.: АСТ, 2004.
- Фрээр Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.
- Хейзинга Й. Homo Ludens/ Человек играющий. Статьи по истории культуры. М.: Айрис-Пресс, 2003.
- Хренов Н.А. Человек играющий в русской культуре. СПб.: Алетей, 2005.
- Эберхард В. Китайские праздники. М.: Наука, 1977.
- Элиас Н. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социологические и психогенетические исследования. М., СПб.: Университетская книга, 2001. Т. I.
- Blanchard K. The Anthropology of Sport. An Introduction. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1995.
- Coakley J. Sport in society: Issues and controversies. St. Louis: Mosby, 1986.
- Elias N., Dunning E. Folk football in Medieval and Early Modern Britain // Sport: Readings from a Sociological Perspective / Ed. by Eric Dunning. Toronto: University of Toronto Press, 1972.
- Human Ethology. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Huxley A. Ends and Means. An Enquiry into the Nature of Ideals and into the Methods employed for their Realization. L.: Chatto and Windus, 1937.
- Klapp Orrin E. Collective Search for Identity. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1969.
- Marsch P. Aggro: The Illusion of Violence. L.: Dent and Son, 1975.
- Marvin G. Honour, Integrity and the Problem of Violence // The Anthropology of Violence / Ed. by D. Riches. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Nisbett R.E., Cohen D. Culture of honor: The psychology of violence in the South. Denver, Co.: Westview Press, 1996.